

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССН.

1895.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	19
А. Н. Веселовскій. Изъ которія эпитета	179
А. С. Хахановъ. Грузинскій поэтъ XII вѣка Ш. Рустанели и его поэма „Варсова кожа“	200
Н. В. Истробовъ. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго	224
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность профессора М. И. Карян- скаго (окончаніе)	281
В. И. Курдиновскій. Губныя учрежденія Московскаго государ- ства (окончаніе)	309

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Ланно-Данилевскій. Исторія экономическаго быта Вели- каго Новгородъ. А. И. Пикитскаго	343
О. О. Зигель. „Россія“. В. Р. Морфилла	397
Ө. Д. Ватюшковъ. Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова фран- цузскаго языка, разобранныя и группированныя по кор- нямъ. Составилъ Н. Токссля С.-Иб. 1893—1894	404
— Книжныя новости	418
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ и изданій).	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Отчетъ о тридцати седьмомъ приужденіи наградъ графа Уварова	25
— Наши учебныя заведенія: Среднія и высшія школы Кіев- скаго учебнаго округа въ 1894 году	45
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Е. А. Вѣловъ (некрологъ).	102

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

N. Novossadsky. Ad papyrus magicam bibliothecae parisiensis na- tionalis adnotationes palaeographicae	81
О. О. Соколовъ. Новая книга о Дельфахъ	88
А. О. Эмиантъ. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	100
М. Н. Крашенинниковъ. Pyglin	118

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го декабря).

ИЗЪ ИСТОРИИ ЭПИТЕТА ¹⁾.

Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля въ сокращенномъ изданіи, то это не будетъ преувеличеніемъ. И не только стиля, но и поэтического сознанія отъ его физиологическихъ и антропологическихъ началъ и ихъ выраженій въ словѣ—до ихъ закрѣпленія въ ряды формулъ, наполняющихся содержаніемъ очередныхъ общественныхъ міросозерцаній. За инымъ эпитетомъ, къ которому мы относимся безучастно, такъ мы къ нему привыкли, лежитъ далекая историко-психологическая перспектива, накопленіе метафоръ, сравненій и отвлеченій, цѣлая исторія вкуса и стиля въ его эволюціи отъ идей полезнаго и желаемаго до выдѣленія понятія прекраснаго. Если бы эта исторія была написана, она освѣтила бы намъ развитіе эпитета; пока хронологія эпитета можетъ послужить матеріаломъ будущаго, болѣе широкаго обобщенія. Польза такой хронологіи стоитъ въ прямой зависимости отъ богатства и разнообразія данныхъ, находящихся въ рукахъ собирателя; я не могу похвалиться ни тѣмъ ни другимъ и потому даю лишь наброски, ставлю вопросы и прошу дополненій ²⁾.

Эпитетъ свойственъ и поэзии, и прозаической рѣчи; въ первой онъ обыченъ и рельефнѣе, отвѣчая поднятому тону рѣчи. Гельги возвышается надъ другими витязями, какъ *благородный* ясень надъ терновникомъ, — какъ *росою увлажненный* телець надъ стадомъ, впереди котораго онъ бѣжитъ (Helgakv. Hundingsbana, II, 36); Сигурдь

¹⁾ Читано въ засѣданіи Неофилологическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, 14-го апрѣля 1895 г.

²⁾ Указанія на источники и пособія, которыми я пользовался, найдутъ себя ужо въ книгѣ, изъ которой извлечена предлагаемая замѣтка.

сравнивается съ *благороднымъ* или *зеленымъ* пореемъ, *блестящимъ* (драгоценнымъ) камнемъ, *высоконогимъ* оленемъ, *краснымъ* золотомъ (Gudrunarkv. I, 18; II, 2). Вотъ общій типъ эпитета.

Эпитетъ—одностороннее опредѣленіе слова, либо подновляющее его нарицательное значеніе, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета. Первый родъ эпитетовъ можно бы назвать *тавтологическими*: *красна дъвоица*, *напрямѣръ*, въ сущности тождесловіе, ибо и прилагательное, и существительное выражаютъ одну и ту-же идею свѣта, блеска, при чемъ въ ихъ сопоставленіи могло и не выражаться сознание ихъ древняго содержательнаго тождества. См. еще: *солнце красное*, *жупо злато* (сербск.), *грязи топучія* и друг.

Второй отдѣлъ составляютъ эпитеты *пояснительные*: въ основѣ какой-нибудь одинъ признакъ, либо 1) считающійся существеннымъ въ предметѣ, либо 2) характеризующій его по отношенію къ практической цѣли и идеальному совершенству. По содержанію эти эпитеты распадутся на цѣлый рядъ групповыхъ отличій; въ нихъ много переживаній, отразились тѣ или другія народно-психическія воззрѣнія, элементы мѣстной исторіи, разныя степени сознательности и отвлеченія и богатство аналогій, растущее со временемъ.

Говоря о существенномъ признакѣ предмета, какъ характерномъ для содержанія пояснительнаго эпитета, мы должны имѣть въ виду относительность этой существенности.

Возьмемъ примѣры изъ народной поэзіи. Близна лебеди, *напрямѣръ*, можетъ быть названа ея существеннымъ признакомъ, какъ и *бурѣв ѣдѣр* (Od. IV, 458), что намъ казалось-бы излишнимъ; но старо-франц. *escut bucler* (Ch. d. Rolant v. 526) характеризуетъ щитъ не со стороны его крѣпости или формы, а по выпуклому, обыкновенно украшенному возвышенію въ срединѣ; „руино вино“ сербской пѣсни отзывается случайностью подбора (Гом. *аѣдоф*, рѣже *мѣлас*, *ѣродрѣс*; ит. *vinо negro*), ея „честити цар“, „бјели двори“, „вода ладна“, „ситна мрежа“; „ступнистая лошадушка“, „тихомѣрныя бесѣдушки“ (Барсовъ, Причит.), „стола бѣлодубовыя“, „пожки рѣзвыя“, „ѣствушка сахарная“ и т. п. нашихъ быливъ указываютъ на желаемый идеаль: коли царь, то честитый, стола бѣлодубовый, стало быть, хорошій, крѣпкій.

Отсюда пристрастіе къ эпитету „золотой“: у Асвиновъ колесница, и ось, и сидѣнье, и колеса, и вожжи—золотыя, у Варуны золотой панцырь, у Индры громовыя стрѣлы и жилище изъ золота; Слово о

Полку Игоревѣ говорить о „златомъ столѣ“, златомъ сѣдлѣ и т. д.; въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ являются золотые столы, пожи, челнокъ, весло, соха, серпъ и т. д.; въ литовскихъ: кольцо, шпоры, подковы, стремя, сѣдло, ключи ¹⁾. У древнихъ германцевъ золото принадлежность боговъ, серебро героевъ; желѣзо является лишь въ позднѣйшихъ произведеніяхъ англо-саксонской и сѣверной поэзи.

Мѣриломъ подобнаго рода опредѣлений служить перѣдко бытовое или этнографическое преданіе, сохранившееся въ переживаніяхъ. Лучшимъ матеріаломъ для копейныхъ древокъ считался ясень, отсюда ясеневое копье гомеровскихъ и старо-французскихъ поэмъ: *dōro, ἔγχεος μέλιον*, *lance fraisine, espièze fresniz*; рядомъ съ ними, хотя и въ менѣе частомъ употребленіи, *ἔγχεα δέροοντα* (буковья; или острья? рѣдко у Гомера), *baston rommerin, espièze de cornier, lance sapine*. Въ нашемъ эпосѣ копье мурзаметское (сл. сѣделышко черкасское) указываетъ на историческія отношенія, какъ и старо-французское *agabi* при конѣ: то и другое было типомъ хорошаго копья (сербск. *вито копје*), добраго коня (сербск. *добар конь*). Можетъ быть, такими же отношеніями объясняются „зеленые“ щиты старо-французскаго эпоса; наше зелено вино не идетъ въ сравненіе: вино и виноградъ смѣшивались, эпитетъ послѣдняго перенесенъ былъ на первое, тѣмъ легче, чѣмъ менѣе знакомы были съ лозой; зелено вино вызвало далѣе образъ „синяго“ кувшина. Иное дѣло *зеленые пути* (*groenir brautir, grène stracta*) сѣверной и англо-саксонской поэзи: дорѣчь ить, путь идетъ *зеленымъ* полемъ; въ болгарской поэзи эти пути, друмы—*бѣлые*; въ старо-французскомъ эпосѣ ихъ эпитетъ *anti* = *antiquus*: *старья* римскія дороги. Эпитетъ бросаетъ свѣтъ на три культурныя перспективы.

Цвѣтъ волосъ—этническій признакъ; какъ греческіе, такъ и средневѣковые витязи волосаты, въ гомеровскихъ поэмахъ ахейце зовутся „кудреглавыми“ (*κάρηκομόωντες*), женщины *ἤχομοι* и *καλλιπλόχαροι*, прекраснокудрыми; волосы свѣтлорусые: это любимый цвѣтъ у грековъ и римлянъ; всѣ гомеровскіе герои бѣлокуры, кромѣ Гектора. Рѣже черные волосы съ синимъ отливомъ, *κοάνας*, у Гомера это цвѣтъ стали, шкуры дракона, кораблей, эпитетъ волосъ (*Κοανοχαιτης* = Посейдонъ); грозовой тучи; у Платона *κοανοῦν* отвѣчаетъ темпосинему, у Гезихія *κοανόν*— цвѣтъ неба. Это синкретическое представленіе чер-

¹⁾ Указанія на эпитеты литовской и латышской народной поэзи и обязанъ любезности Э. А. Вольтера. Другія сообщенія изъ области эпитета сдѣланы были мнѣ Л. Н. Майковимъ, В. К. Ернстедтомъ и Гр. Де Ла Бартомъ.

наго, отливающего въ синій цвѣтъ, лежитъ въ эпитетѣ киргизской эпикъ: чернѣй стальной мечъ, старофр. *acier brun*, и въ основѣ сѣвернаго *blár* = нѣм. *blau*: *blámaðr* = эоіопъ; въ древне-русскихъ текстахъ бѣсы изображаются эоіопами — *синьцами*; *синь*, какъ эпитетъ камня въ болгарскихъ пѣсняхъ и галицкой колядкѣ, относится сюда же, какъ, можетъ быть, и *marbre bloi* въ *Chanson de Roland*.

И въ сербскомъ (руса глава), и въ русскомъ эпосѣ излюбленный цвѣтъ полосъ русый; въ средневѣковой поэзіи запада—золотистый: *crin d'or*; *si cheveu ressembloient d'or fin ou de leton*; *plus furent luisans d'une coupe dorée*; *leur cheveuix reluisoient comme penne de raon*; *plus jaunes que penne de raon*. Эта предилекція западныхъ эстетиковъ настолько же этническаго, насколько историко-культурнаго свойства, наслѣдіе, отчасти, римскаго вкуса; въ другихъ случаяхъ предпочтеніе извѣстныхъ цвѣтовъ, стало быть, и эпитетовъ, можетъ возбудить вопросъ: имѣемъ-ли мы дѣло съ безучастнымъ переживаніемъ древнѣйшихъ физиологическихъ впечатлѣній, или съ этническимъ признакомъ. Извѣстно, что красный и желтый цвѣтъ раньше другихъ распознаются ребенкомъ, и физиологи указываютъ тому причину; красный, желтый, оранжевый цвѣта—излюбленные цвѣта дикихъ, оставшихся на степени дѣтски-наивнаго міросозерцанія; мы не удивимся, послѣ этого, если и гомеровскія поэмы обнаруживаютъ любовь къ красному, но когда Грантъ Алленъ говоритъ о такомъ же предрасположеніи у англійскихъ поэтовъ вообще, вопросъ о народныхъ особенностяхъ эстетическихъ впечатлѣній возникаетъ самъ собою. Нашъ „дородный добрый молодецъ“ и „парень красавецъ“ (*fetū frumos* = *formosus*) румынской народной поэзіи принадлежать двумъ различнымъ обобщеніямъ.

Двѣ группы пояснительныхъ эпитетовъ заслуживаютъ особаго вниманія: *эпитетъ-метафора* и *символическій*, сливающимся для насъ въ одно цѣлое, тогда какъ между ними лежитъ полоса развитія: отъ безразличія впечатлѣній къ ихъ сознательной раздѣльности.

Эпитетъ-метафора предполагаютъ параллелизмъ впечатлѣній, ихъ сравненіе и логическій выводъ уравненія. *Черная тоска*, напримѣръ, указываетъ на а) противоположеніе тьмы и свѣта (дня и ночи)—и веселаго и грустнаго настроенія духа; б) на установленіе между ними параллели: свѣта и веселья и т. д.; в) на обобщеніе эпитета свѣтовой категоріи въ психологическое значеніе: чернѣй, какъ признакъ печали.—Или—*мертвая тишина*, предполагающая рядъ приравне-

ній и обобщеній: а) мертвецъ молчитъ; б) молчаніе—признакъ смерти; с) перенесеніе реального признака (молчаніе) на отвлеченіе: тишина.

Развитіемъ эпитета-метафоры объясняются тѣ случаи, когда, на примѣръ: а) дѣйствіе, совершающееся при извѣстномъ объектѣ, въ предѣлахъ одного представленія, либо его сопровождающее, переносится на него, какъ дѣйствіе, ему свойственное, при большемъ или меньшемъ развитіи олицетворенія. Глухое окно, *blindes Finster*—это окно, въ которое не видать, изъ котораго не слышно; сл. франц. *lanterne sourde*; гдѣсь глухой (Пушкинъ); *vada caeca* (Aen. I, 536). Ленау говоритъ о звучащемъ, звучномъ утрѣ (*der klingende Morgen*), у Пушкина встрѣчаемъ и „голодную волну“ и „зиму съдуо“, и „грѣхъ алчный“. Сюда относится „и золотая Церера“ и „блѣдный страхъ“ у Гомера и Эсхила, и „блѣдная зависть“, франц. *colère bleue*, и *saecus Amog*, и „розовый стыдъ“ Шекспира; сл. сербскія: *нијана механа*—корчма; оружье *плашиво* = страшное; лит. молодые дни. — Либо б) эпитетъ, характеризующій предметъ, прилагается и къ его частямъ: такъ синій, *caeruleus* переносится отъ моря каплямъ пота Арегузы (Ov. Met. V, 633: *caeruleae cadunt toto de corpore guttae*); у nereidy, обитательницъ моря, волосы зеленые (цвѣтъ моря или морской травы?), а у Ленау (зеленая) тропы олицетворена: ей нечего повѣдать о былой любви, и она печально замкнула свои *зеленыя уста*:

Der Pfad, der nichts der Liebe mehr zu künden,
Schloss trauernd seine grüne Lippen zu.

См. у Гейне, *Neuer Frühling* 15: *Da grüsst der Mond herunter — Mit Lichtem Liebesweh.*

Другіе эпитеты, повидимому сходные съ предыдущими, объясняются фізіологическимъ синкретизмомъ и ассоціаціей нашихъ чувственныхъ воспріятій, въ которой, при нашей привычкѣ къ аналитическому мышленію, мы обыкновенно не даемъ себѣ отчета, тогда какъ нашъ глазъ поддерживается слухомъ, осязаніемъ и т. п., и наоборотъ, и мы постоянно воспринимаемъ впечатлѣнія слитнаго характера, природа котораго раскрываются намъ случайно, или при научномъ наблюденіи. Такъ впечатлѣнія свѣта могутъ быть искусственно вызваны впечатлѣніями звука, слѣпой выражаетъ ощущеніе солнечныхъ лучей, говоря, что онъ его слышитъ; мы говоримъ о *Klangfarbe*, *auditions colorées*. Эпитеты, которые я называю *синкретическими*, отвѣчаютъ этой слитности чувственныхъ воспріятій, которыя первобытный человѣкъ выражалъ нерѣдко одними и тѣми-же лингвистическими

показателями; цѣлый рядъ индоевропейскихъ корней отвѣчаютъ понятію напряженнаго *движенія*, *прониканія* (стрѣлы) и одинаково—понятіямъ *звука* и *свѣта*, горѣнія (сл. нѣм. *singen* и *senzen*), обобщаясь далѣе до выраженія отвлеченныхъ отношеній: греч. *ὄξύς*, лат. *acer*, церк.-сл. остръ служатъ для обозначенія и звуковыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній; лѣм. *hell* прилагается и къ звуку и къ тону краски (сл. старо-фран. *le vis cler*; *clers fut li jors*; *Munjoie escrient et haltement e clor*. *Ch. de Rol.* v. 1159, 1002, 1974). Мы говоримъ о ясномъ, то-есть, свѣтломъ солнцѣ и о ясномъ, то-есть, стремительномъ, быстромъ соколѣ, не отдавая себѣ отчета въ первичномъ значеніи эпитета во второмъ его употребленіи; французское *voix sombre*, *heller Ton*, глухая ночь, острое слово насъ не смущаютъ, иначе дѣйствуютъ сочетанія *voix blanche*, *froid noir*, вихорь черный (Пушк.), *bleu sourd* (*Goncourt*, *Journal*), нестрая тревога (Пушк.), — и мы раздумываемся надъ своеобразностью такихъ сопоставленій въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ разовьетъ ихъ съ необычною картинностью, какъ Гюго: *Un bruit farouche, obscur, fait avec des ténèbres*, либо Данте: *Inf. V, 28: io venni in luogo d'ogni luce muto: я пришелъ въ мѣсто, нѣмотствовавшее свѣтомъ, то-есть, лишенное свѣта*. Сл. еще у Данте *molcanie solmca* (*dove'l sol tace Inf. I 60*) *per amica silentia lunae* (*Aen. II 255*).

Если я позволилъ себѣ отнести къ выраженіямъ не метафоры, а синкретизма и слѣдующіе примѣры, въ которыхъ впечатлѣнія свѣта и звука сливаются съ представленіями иного, не чувственнаго порядка, то потому лишь, что и это сліяніе произошло уже на почвѣ языка, выразившаго его однимъ комплексомъ звуковъ. Въ Ригведѣ смѣется молнія, смѣется сквозь тучи *Dyaus*; въ Иліадѣ „подъ пыльнымъ сіяніемъ мѣди — окрестъ, смѣялась земля“ (*ἡλέσσε δὲ πᾶσα περί χθών χαλκῷ ὄλο στερρότης*); у Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде смѣются цвѣты, какъ и у Данте (*Par. XXX, 65, 70*); „прекрасное свѣтило, побуждающее къ любви (планета Венеры), заставляетъ улыбаться востокъ“ (*Purg. I, 19—20*). Если греч. *ἡλέσσε*—смѣяться связано съ корнемъ *gal*: быть свѣтлымъ, блестящъ, мы поймемъ синкретическія основы эпитета. Или Данте говорить о *Виргиліѣ*, что онъ отъ долгаго молчанія казался—хриплымъ или слабымъ (*che per lungo silenzio pareva fioco*). Стихъ этотъ вызывалъ много толкованій: *fioco* по итальянски значить, собственно, слабый, разслабленный; молчаніе — признакъ слабости, упадка силъ; такъ понялъ это языкъ: гот. *slavan*—*σλαβᾶν*, сѣп. *sljōi*, старосакс. *sleu*: слабый, безсильный; сл.

груз. корень кdm, оттуда кдома, кудома = умирать, но кдома = молчать (сообщеніе проф. Марра).

Въ основѣ такого рода двойственности нѣтъ метафоры, предполагающей известную степень сознательности, а безразличіе или смѣшанность опредѣленій, свойственная нашимъ чувственнымъ воспріятіямъ и, вѣроятно, болѣе сильная въ пору ихъ закрѣпленія формулами языка.

Исторія эпитета, къ которой и перехожу, укажетъ, какъ и подл. какими вліяніями совершалась эволюція его содержанія.

Въ связи съ его назначеніемъ: отмѣтить въ предметѣ черту, казавшуюся для него *характерной*, существенной, показательной, стоитъ, по видимому, его *постоянство* при известныхъ словахъ. Греческій, славянскій и средневѣковой европейскій эпосъ представляютъ обильные примѣры. У Гомера море темное (ἰσσιδής, ἰσδιναφής, οἶνος) или сѣрое (πολιός), снѣгъ холодный (ψυχρή), немочь злая (χαχή, στυγερή, ἀργαλέη), вино темное, красное, небо звѣздное, мѣдное. Сл. *сербск.* вита жѣла (то-есть, стройная), вито, боіно копье, соко сиви (русск. ясный, сивый), бритка сабле (русск. острал), грозне сузе (русск. горячія, лит. горькія), био дан, сухо, жуто, же жено золото (русск. красное; старонѣм. *gothez gold*), сиѣе, слано море (русск. сине море; старофр. *salée*), живи огаѣ, равно поѣе, црна земља (русск. мать сыра земля, лит. черная), вјериа љубо, огријало жарко, сјајно сунце, перени щит; брз, добар коњ; красан (поѣе, чедо, двор, пријателя), уста медана, (русск. сахарныя), змија љута (русск. *id.*), шарена; ситан бисер; танак (о дѣвущкѣ, юнакѣ, деревѣ и т. д.), тихій Дунав (лит.: глубокій), гусле јаворове (русск. яровчатя); *бол.*: бойно копье, бързъ, вранъ коњ, вита елха, добаръ юнакъ, ситни звѣзды (русск. частыя), дробенъ бисеръ и др.; *русск.* поле чистое, вѣтры буйныя, буйная головушка, песка сыпучей, лѣса дремучіе, лѣсъ стоячій, камешки катучіе, сабля острая, калена стрѣла, тугой лукъ, крутыя бедра, касата ластушка, сизый орелъ, сѣрый волкъ, ясный соколъ, ретиво сердце, палаты бѣлокаменные, окошечко косячатое, высокъ теремъ (сл. лит.: высокая клѣтъ, *aikstas svirnelis*); въ *малорусскихъ* думахъ: вѣтры буйны, степы широки, туманы (голубь, кинь, орелъ, зозуля) сизы, волкъ сырый, байраки зелены, ничка (хмары, лѣсъ, лугъ) темная, свить вольный и т. д. Въ сѣверномъ эпосѣ и сагахъ: земля, пути (*stfagar, brautar*) зеле-

ные, лѣсъ темный, волны холодныя, море синее, темноснее (но и зеленое, сѣрое, красное). Цвѣтвые эпитеты обнаруживаютъ въ старо-германской поэзіи склонность пристраиваться постоянно, тогда какъ другіе свободнѣе.

Какъ объяснить это постоянство въ связи съ хронологіей стиля? Обыкновенно его видѣютъ глубокой древности, видятъ въ немъ принадлежность эпики, эпического міросозерцанія вообще. Едва-ли это такъ. Объ эпитетѣ можно сказать тоже, что о воображаемомъ постоянствѣ обряда, церемоніи, этикета, которое Спенсеръ считаетъ особенностью первобытнаго общества, такъ называемаго обрядоваго правительства: постоянствѣ, разлагающемся со временемъ и уступающемъ разнообразію. Но „обрядовыя правительства“ — уже продуктъ эволюціи, за ихъ постоянствомъ лежатъ тысячелѣтія выработки и отбора. Такъ и съ эпитетомъ: по существу онъ такъ-же одностороненъ, какъ и слово, явившееся показателемъ предмета, обобщивъ одно какое нибудь вызванное имъ впечатлѣніе, какъ существенное, но не исключющее другія подобныя опредѣленія. При дѣвѣ — блестящей возможенъ былъ, напримѣръ, не одинъ, а нѣсколько эпитетовъ, разнообразно дополняющихъ основное значеніе слова; выходъ изъ этого разнообразія къ постоянству принадлежитъ уже позднѣйшему подбору на почвѣ усиливавшейся поэтической традиціи, нѣсеннаго шаблона, школы: иные эпитеты понравились по той же причинѣ, по которой пошла въ ходъ и перепѣвы та или другая пѣсня, а съ нею и ея образы и словарь, по которой, напримѣръ, инд. Агни выдвинулось изъ другихъ обозначеній огня въ обозначенію божества. Что въ подобномъ подборѣ, отвѣчающемъ подбору народно-поэтическихъ символовъ, участвовало и историческое преданіе, примѣры тому мы видѣли („копье мурзамецкое“) и т. п. Очень можетъ быть, что въ пору древнѣйшаго нѣсеннаго развитія, которую мы отличаемъ названіемъ лирико-эпическаго или синкретическаго, это постоянство еще не установилось, лишь позднѣе оно стало признакомъ того типически-условнаго — и словнаго міросозерцанія и стиля (отразившагося и въ условныхъ типахъ красоты, героизма и т. д.), который мы считаемъ, нѣсколько односторонне, характернымъ для эпоса и народной поэзіи.

И здѣсь представляются отличія: народныя или историческія — это можетъ разъяснить только частичное изслѣдованіе, распространенное и на эпическія или эпико-лирическія пѣсни народовъ, стоящихъ на низшей степени культуры. Мнѣ сдается, что у нихъ мы не найдемъ того обилія повторяющихся эпитетовъ, какимъ отличается, на-

примѣръ, русскій и сербскій эпосъ; что послѣднее явленіе, какъ и повтореніе стиховъ и цѣлыхъ группъ стиховъ, и богатство общихъ мѣстъ не что иное, какъ мнемоническій пріемъ эпики, уже не творящейся, а повторяющейся, или воспѣвающей и новое, но въ старыхъ формахъ. Такъ поютъ киргизскіе пѣвцы: ихъ творчество—въ комбинаціи готовыхъ пѣсенныхъ формулъ; такъ пѣли скоморохи и шпильманы, о чемъ мнѣ придется говорить въ моихъ „Южно-русскихъ былинахъ“.

Это можетъ возбудить вопросы хронологіи. Если, напримѣръ, въ гомеровскихъ поэмахъ эпитеты обнаруживаютъ большее постоянство, чѣмъ во французскихъ *chansons de geste*, то не потому ли, что за первыми стояли пѣсни архаическаго, формально-отстоявшагося стиля, тогда какъ авторы послѣднихъ встрѣтились съ болѣе свѣжимъ пѣсеннымъ преданіемъ лирико-эпическаго характера, еще не расплывшимъ до преобладанія шаблона.

Я далекъ отъ мысли построить хронологію эпическаго изложенія на эпитетѣ, но полагаю, что взглядъ на его постоянство, какъ на признакъ переживанія, не вмѣняется мнѣ въ ересь.

Понималъ ли и понимаетъ ли народный пѣвецъ этотъ незыблемый эпитетъ, какъ нѣчто яркое, всякій разъ освѣщающее образъ, или повторялъ его, какъ старину и дѣянье? Быть можетъ, мы не вправѣ отдѣлять въ этомъ вопросѣ народную поэзію отъ всѣмъ знакомаго явленія на почвѣ поэзіи личной. Отъ провансальской лирики до довольно банальныхъ цвѣтовыхъ эпитетовъ Гюго извѣстныя опредѣленія повторяются при извѣстныхъ словахъ, если только не перечить тому общее положеніе или колорить картины. Это дѣло школы, безсознательно орудующей памяти; примѣры у всѣхъ на лицо: къ инымъ зеленымъ лугамъ и синимъ небесамъ не относился сознательно и самъ поэтъ, не относимся и мы; эпитетъ потерялъ свою конкретность и только обременяетъ слово.

Все дальнѣйшее развитіе эпитета будетъ состоять въ разложеніи этой типичности индивидуализмомъ.

Въ исторіи этого развитія отмѣтимъ нѣсколько моментовъ.

Къ однимъ изъ нихъ принадлежитъ *забвеніе* реального смысла эпитета съ его слѣдствіями: безразличнымъ употребленіемъ одного эпитета вмѣсто другого, когда, напримѣръ, французскій труверъ не стѣсняется кличками *arabi*, *aragon*, *gascon* для одного того же коня,

либо безсознательнымъ употребленіемъ въ тѣхъ случаяхъ и положеніяхъ, которые его не только не вызываютъ, но и отрицаютъ. Мы могли бы назвать это явленіе *окамененіемъ*; въ русскомъ, греческомъ и старо-французскомъ эпосахъ оно вырастаетъ за предѣлы собственно эпитета, когда оцѣнка явленій извѣстнаго порядка переносится на явленія другого, враждебнаго или противоположнаго, когда, на примѣръ, царя Каина обзываютъ собакою не только враги, но и его собственный посолъ въ рѣчи, которую онъ держитъ къ князю Владимиру, какъ Елена зоветъ себя *κυνώλις* (II. III, 180, Od. IV, 145), когда въ пѣснѣ о Роландѣ кликъ Карлова войска: *Monjoie* усвоенъ и сарацинами и т. п. Во французскомъ эпосѣ этому отвѣчаетъ окамененіе историческаго типа. У Карла Великаго цѣлая легенда, обнимающая его юность и старость, когда онъ сталъ *le viel roi asoté* но одинъ типъ его особенно приглянулся, типъ зрѣлаго мужа, съ просвѣдью, à la barbe fleurie; не исключая другіе, этотъ эпитетъ при немъ устойчивѣе, не всегда въ уровнѣ съ положеніемъ.

Приведемъ нѣсколько соответствующихъ примѣровъ изъ области эпитета. Ходячее опредѣленіе руки—*бѣлая*; сербская пѣсня употребляетъ его, говоря и о рукѣ арапа. Въ старо-англійскихъ балладахъ выраженіе *моя* (или его) *вѣрная любовь* (*my-his-own true love*) безразлично возвращается, идетъ ли дѣло о вѣрной или невѣрной любви. *Liebe lange Nacht*—ходячій эпитетъ; въ нѣмецкой пѣснѣ онъ вложенъ въ уста молодой женѣ, желающей, чтобы ночь прошла скорѣе, потому что ей противенъ старый мужъ:

Ei, ist es Tag, oder will es schier her lagen,
Oder will die liebe lange Nacht
Nimmernohr kein End nicht haben?

Сл. въ сербскихъ пѣсняхъ: *од зла миле тајке* твоје; *крива мила мајка*; *немила драга* и др.; проклятая темница (*тавница кѣта*) въ устахъ палача, вызывающаго узника на казнь; въ русской народной пѣснѣ:

Ты не жги свѣчу *сальную*,
Свѣчу *сальную*, *воску яраю*;

Если въ II. XXII, 154—155, троянскія жены и дочери *могутъ блестящія одежды* (*εἴματα σφαιλοῦντα*), то здѣсь, можетъ быть, и нѣтъ противорѣчія, если *σφαιλοῦντα*—разноцвѣтныя, расшавныя, хотя подобное же *contradictio in adjecto*, безъ возможности иного объясненія, встрѣчается, на примѣръ, и въ болгарской пѣснѣ, гдѣ *острая сабля* должна быть *наострена* (Да *паостра* моѣа *остра сабля*); но когда

Эрифилла предаётъ своего милаго мужа (Od. XI, 327), а въ II. XV, 377 (= Od. IX, 527) Несторъ (въ Од. Полифемъ) среди бѣла дня воздымаетъ руки къ звѣздному небу (*ἀστέρωντα*), то, очевидно, эпитетъ застылъ до безсознательности и употребляется по привычкѣ, какъ „быстрый“ при корабляхъ, „быстроногий“ при Ахиллѣ, когда одни стоятъ у берега, другой плачется у матери: эпитетъ считается не съ временнымъ положеніемъ, а съ существеннымъ признакомъ, свойствомъ лица или предмета, какъ бы подчеркивая, противорѣчіе; мы сказали бы: быстрые,—а стоять.—Дальнѣйшимъ развитіемъ такого употребленія объясняется, что въ болгарскихъ: сивъ соколъ, бѣлъ голубъ, синю седло, вранъ конь, руйно вино эпитеты не ощущаются болѣе, какъ цвѣтовые, и прилагательное и существительное сплелись въ значеніе нарицательнаго, вызывающаго новое опредѣленіе, иногда подновляющее прежнее: порой въ противорѣчьи съ нимъ: сл. руйно вино червено, чрна врана коня, но *сивъ бѣлъ соколъ, сиви бѣли голуби, синю седло алено*.

Въ иныхъ случаяхъ можно колебаться, идетъ ли дѣло объ окамененіи или объ обобщеніи эпитета, о чемъ рѣчь далѣе. „Малый“, „маленькій“ можетъ не вызывать точной идеи величины, а являться съ значеніемъ ласкательнаго, чего-то своего, дорогого; въ такомъ случаѣ въ слѣдующей англійской балладѣ нѣтъ противорѣчій: смуглая дѣвушка вынимаетъ *маленькій ножикъ*, былъ онъ желѣзный, *длинный* и острый, — и закалываетъ имъ Эллинору. За то смѣшеніемъ, папоминающимъ нѣчто новое, манеру декадентовъ, отзывается у Pado Albinovanus „руки, бѣлѣ пурпурнаго снѣга“ (*brachia purpurea candidiora nive*). Розовый снѣгъ—это уже искусственная контаминація образовъ, раздѣльно знакомыхъ и народной рѣчи (кровь съ молокомъ), и Парсивалою, раздумывавшемуся о красотѣ своей милой при видѣ павшихъ на снѣгъ капель крови, какъ и киргизскій пѣвецъ говоритъ о лицѣ дѣвушки, что оно краснѣе обогрѣннаго кровью снѣга. Сл. *бѣлъ червенъ три-ендафилъ* болгарскихъ пѣсень.

Другое явленіе, которое мы отмѣтимъ въ исторіи эпитета, это его *развитіе, внутреннее и внѣшнее*. Первое касается *обобщенія* реального опредѣленія, что даетъ возможность объединить имъ цѣлый рядъ предметовъ. Я имѣю ввиду не процессъ, обычный въ исторіи языка, которымъ, напримѣръ, старо-французск. *chétif* (= *carlivus*) перешелъ къ своему современному значенію, греч. *πολύχορδος* = многострунный обобщился, какъ полнозвучный, и прилагается къ флейтѣ и пѣнію соловья. Мои примѣры касаются поэтическаго

и народно-поэтического словоупотребленія. Бѣлый день, лебедь бѣлая — реальны, но понятіе свѣта, какъ чего-то желаннаго, обобщилось: въ сербской народной поэзіи всѣ предметы, достойныя хвалы, чести, уваженія, любви—бѣлые; сл. въ русскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ: бѣлый царь, бѣлый молодець, бѣль сынъ, бѣла дѣвка, бѣлое дитя, бѣлая моя сосѣдушка, болг. бѣли сватове, бѣли карагрошове (то-есть, черныя гроши)—подъ влияніемъ-ли бѣлыхъ „пари“ или въ обобщенномъ значеніи, въ которомъ участвуетъ и литовское *baŭtas*, являющееся въ свою очередь въ состояніи окамененія въ пѣснѣ, гдѣ большіе мосты наможены изъ „бѣлыхъ братцовъ“; сл. латыш. бѣлая (милая) матушка, доченька, сестрицы, деверья бѣлые братцы—и бѣлые, то-есть, счастливые дни. Бѣлый, здѣсь, очевидно, обобщенъ: реальное, физиологическое впечатлѣніе свѣта и цвѣта служитъ выраженіемъ вызываемаго имъ психическаго ощущенія и въ этомъ смыслѣ переносится на предметы, неподлежащіе чувственной оцѣнкѣ. На такой метафорѣ основана отчасти *символика цѣлостъ*; я разумѣю символику народную. Въ сѣверной литературѣ, напримѣръ, зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ надежды и радости (*groenleikr: spændog*) въ противоположность сѣрому, означавшему злобу; черный вызывалъ такія же отрицательныя впечатлѣнія, рыжій былъ знакомъ коварства. Характеръ обобщенія зависѣлъ отъ эстетическихъ и другихъ причинъ, иногда неуловимыхъ: почему, напримѣръ, у чувашей *черный* часто означаетъ: хорошій, честный?—*Золотая* маслина, лавръ, *хрѣсова каѣбасъ вѣрѣолоо* *Ѧмѣтос*, золотыя Ника, музы, переды у Пиндара, золотыя паликары ново-греческой пѣсни, очевидно, относятся не къ цвѣту или матеріальному качеству предметовъ, а выражаютъ вообще идею цѣнности, какъ и *goldne Mädchen, goldne Thäler* нѣмецкихъ пѣсень; можетъ быть, такъ слѣдуетъ понять и нныя изъ эпитетовъ Ригведы, тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о подѣлкахъ изъ золота, а о золотыхъ рукахъ и бородѣ (сл. въ малорусск. пѣсняхъ золотые волосы, грива), о золотыхъ путяхъ, о „золотыхъ, звучныхъ пѣсняхъ“, посѣщающихъ Агни.

Къ числу распространенныхъ принадлежитъ обобщеніе *зеленому* цвѣта въ смыслѣ свѣжаго, юнаго, сильнаго, яснаго: *viridis senectus*, (Verg.), *sonus . . . viridior vegetiorque* (Gell.); средне-верхненѣмец. *mita herze daz wirt grüene, min grüenu freude ist val* (Parz. 330), 20, Lachm.); *grüenes Fleissch, grüene Fische*: сырое мясо, непоселенныя рыбы; *Grün ist des Lebens goldner Baum* (Goethe); у Пушкина, наоборотъ: *мертвая* зелень. Если въ сербской поэзіи зеленый

является эпитетомъ коня, сокола, меча, рѣки, озера, то, очевидно, не подъ влияніемъ этимологіи (зелень и желть, золото), а по указанному обобщенію понятія, что не исключаетъ въ иныхъ случаяхъ (кош зеленко сербск., сивзеленъ болгарск.) оттѣнокъ цвѣтового порядка, какъ въ отиѣченномъ нами выше употребленіи *κοῦρος*, *βίαιος*. Наоборотъ: Гёте говорить о сѣрыхъ слезахъ:

Vermagert bleich sind meine Wangen
Und meine Herzensthänen grau
(Divan, Nachklang)

Этихъ сѣрыхъ слезъ и золотыхъ полянъ не изобразить въ живописи: эпитеты суггестивны въ смыслѣ тона, яркости оцущенія, не матеріальной качественности предмета. Греческіе боги не всегда такъ писались, какъ описывались; розоперстая Эосъ принадлежитъ поэзії, не живописи, какъ Шекспировскій образъ занимающагося утра, шествующаго въ рыжебуромъ плащѣ по восточнымъ покрытымъ росою холмамъ (Haml. I, 1).

Въпшнее развитіе эпитета, напрімѣръ, въ старо-французскомъ и греческомъ эпосѣ, очевидно, не принадлежитъ доисторической, лирико-эпической чередѣ, а стоитъ по сю сторону „постоянства“: постоянные эпитеты сгладились, не вызываютъ болѣе образнаго впечатлѣнія и не удовлетворяютъ его требованіямъ; въ ихъ границахъ творятся новые, эпитеты *накаплиются*, опредѣленія разнообразятся *описаніями*, заимствованными изъ матеріала саги или легенды. Говоря о накопленіи эпитетовъ, я разумѣю не тѣ случаи, когда при одномъ словѣ стоитъ нѣсколько опредѣленій, дополняющихъ другъ друга (сл. русскій удалый добрый молодець, перелетныя сѣрныя маля уточки, болгарск. мила стара майка и т. д.), а накопленіе эпитетовъ однозначущихъ или близкихъ по значенію, когда напрімѣръ въ греческомъ эпосѣ о мужѣ говорится: *ἦός τε μέγας τε*; о Пенелопѣ: *ἄριστος, ἄκαστος ἑδῆσιός* (Od. IV 788), *ἄριστος ἄκαστος*; сл. русск.: сытъ — питанень. Сюда относятся *парные* эпитеты старо-французскаго и нѣмецкаго эпосовъ: *baus et jolis, baus et envoisé, corageux et hardi, dolent et mas, fins et loiaus, sos et fous; bataille merveilleuse et pesant* (или *grant*); *bel et cher, isnel et legiers; doucement et soeif, curant et aati* (о конѣ); *mâri und mahtig, bald endi strang, thimm endi thlustri; stark und viel küene, küen unde guot, küene unde halt, edel unde küene*; малор. чудный пречудный, болгарск. ситни дребни пилца, силенъ буень вѣтръ. — Если я отнесъ эти эпитеты-*дублеты* къ развитію и разложенію постоянного эпитета,

то потому лишь, что на почвѣ писаннаго эпоса, нѣмецкаго и французскаго, они нерѣдко являются въ качествѣ *cheville*, вызванной требованіемъ стиха. Но, быть можетъ, подобныя дублеты — древніе, простѣйшее выраженіе плеоназма: накопленіе должно было поднять тонъ, подчеркнуть настроеніе; сл. гом. хитроумный, стародревній нашихъ причитаній; Ай-же ты нѣдь старья старикъ (Вольга и Мькула); чернымъ черно (был.) то же, что *bataille merveilleuse* (см. *merveilleusement*) *rosant*. Такъ многоорукіо пестуканы пидусовъ и многоочитый Аргусъ выражали понятие силы, могущества, бдительности.

Отмѣтимъ, вѣдъ эпитета, подобныя-ли парныя формулы эпоса: *φάμαθός τε χόνος τε, οὐ δέμας οὐδὲ φούν*; *ἔπος φάτο φόνουσαν τε*; был. биться-ратиться, провѣщиться-проязычиться, пирь-бесѣда; мрс. думы: плачорыдае, грае-выгравае, тяжко-важко; старо-сакс. *hugi endi herta, égal endi orbi* и др. На сколько это явленіе связано съ явленіемъ синтаксическаго параллелизма, отмѣченнаго въ изложеніи старо-германскаго, французскаго, славянскаго и финскаго эпосовъ—этого вопроса я здѣсь не коснусь.

Позднему времени отмѣчаютъ *сложные эпитеты*, сокращенные изъ опредѣлений (болгарск. кравицы бѣлобозки, коньовци лѣвогривки и др.) и сравненій, какъ у Гомера (волоокая, розоперстая), въ Ригведѣ („сильный—какъ—быкъ“ и др.), нѣмецк. *blitzschnell* — и *омисательныя опредѣленія* французскаго эпоса, на примѣръ для *храбраго* витязя: *en lui a chevalier mollisme bon, vaillant chevalier, miudre de li fu adonc trové; où tant de noblesse a; le plus biaux bachelers qui soit en palenime n'en la crestienté* и т. д. Богъ вседержитель, Господь всемогущій и т. д.—эти выраженія развились въ цѣлую фразеологию: эпитетъ забытъ за описаніемъ, внушеннымъ данными евангелія и церковными представленіями о Божествѣ, но личный элементъ сдерживается по нимъ одними, а и предѣлами древняго эпитета. Сл. слѣдующія старо-французскія опредѣленія при Богѣ и Христѣ: *Damnes Deus (Dominus Deus), le magne rei de Triuntat; nostre pere, biaux dous Dieu, bias sire Diex; Deu le grant, le bel, Dex saint vertu nommé, la grant vertu souveraine, sainte vraie paterne; qui maint là sus, qui maint en Bellient, au firmament, en Orient, qui haut slet et loing voit; Deu le roi, le roi auçor; vrai pere posteis; donneres de jole, li vrai guerredonnere, le roi du firmament, del tron, qui au ciel, el mont fait vertu, qui fait par toutes terres miracles et vertu, croistre jardins et blez et reverdir le fus; qui del limon fist Eve, Adan en ot formé, qui fist ciel et rousée, qui fist nuit et*

jour; biau peres reiemant; le bon qui non mentid; qui le mont doit sauver, qui maint âme a sauvé, qui sauva Daniel; le roi jasticier, droiturier, qui les pechiés pardone; à cui m'âme s'atent, cui j'ai m'âme voée, où nous sammes créant; cel signor que l'on doit aorer; qui pardonne péchies, qui de le mort nous vaut tous racater; c'on pourtrait en painture; qui de vierge fu nes; qui est sans fin и т. д.

Такъ разнообразятся эпитеты и опредѣленія при Франціи (douce France, le bon país proisié, la garnie, la loée, la jollie, la bele и др.), императорѣ (frans, lofouz), Карлѣ Великомъ: le fiz Pepin, le roi, li frans, li nobiles, nostre avoé, nostre enperères, l'enperère d'Als; qui dolce (tote) France tient, à l'aduré coraige, au cuer franc, droiturier, le ber, le fier, a le cuer fier, à la fiere vertu; le guerrier, qui tant fait a proister, qui tant fu redotés; le viel chenu, le flouris; à la barbe canue, florie, grifaigne, meslée, à la chière membrée и т. д.

Накопленіе эпитетовъ и ихъ развитіе опредѣленіями я объясняю себѣ наступленіемъ личной череды эпического творчества. Иные изъ эпитетовъ Карла принадлежать къ древнимъ и постояннымъ при вытязѣ, героѣ (li ber, li frans и др.); emperère, le viel, à la barbe canue характеризуютъ точнѣе; описанія развиваютъ это впечатлѣніе, обращаясь черѣдко въ общія мѣста, дополняя недочеты стиха. Въ срединѣ развитія, между постояннымъ, такъ сказать, видовымъ эпитетомъ и наплывомъ описаній, стоитъ выдѣленіе личнаго, характеризующаго историческую особь, вошедшую въ оборотъ народнопозитической памяти: Карлъ à la barbe fleurie не со всѣмъ то, что „ласковый“ Владимиръ князь, въ послѣднемъ есть элементъ желасности, идеальныхъ требованій отъ царя, какъ въ сербскомъ—честитый; въ первомъ—остатокъ портрета. Такимъ-же образомъ отлагались въ преданіи, при разнообразныхъ условіяхъ подбора, образы гомеровскихъ героевъ, Илья оказался навсегда старымъ, какъ и Вейнемейненъ, Ильмариненъ молодымъ, какъ нашъ Добрыня и т. п.

Представимъ себѣ, что одна изъ описательныхъ формулъ, на которыя разложился эпитетъ, показала характерной, приглянулась и вошла въ частое употребленіе — и мы объяснимъ себѣ нѣкоторыя явленія гомерической рѣчи и сѣвернаго поэтического языка. У Гомера корабли сравниваются съ морскими конями, ἀλὸς ἵπποι (II. IV, 708 слѣд.), вѣялка или лопата для вѣянія хлѣба зовется истребительницей ости, ἀθρηλοῦγός (Od. XI, 128 = XXIII, 275); греческія опредѣленія для царя: пастырь народовъ, богорожденный, коричій и т. д.; у Эсхила корабли: колесницы мореходовъ,

плаваюція по морю съ полотняными крыльями; улитка — носительница дома; полипъ — безкостный (Гезіодъ); плащъ: защита — отъ холоднаго вѣтра (Пиндаръ).— Сюда относится простѣйшая группа такъ называемыхъ сѣверныхъ *kenningar*; разница та, что сѣверная поэзія послѣдовательно разработала то, что въ греческой осталось частнымъ явленіемъ, и разработала, какъ средство реторики: опредѣленіе или аннотация выдѣлена какъ самостоятельный показатель лица, или предмета, къ которому она относилась, а лицо и предметъ умалчиваются. О бурѣ, напримѣръ, говорили, какъ о „ломающей вѣтви“; это опредѣленіе („вѣтви — ломающая“, сл. у Лукреція: *silvifraga flabra*) и становится вмѣсто „бури“; или король, конунгъ щедръ, щедрость выражалась тѣмъ, что онъ раздавалъ, ломая ихъ, запястья, служившія на сѣверѣ выраженіемъ денежной цѣнности; коли онъ того не дѣлалъ, онъ оказывался не щедрымъ, не ломающимъ запястья. Такъ явился рядъ выраженій—эпитетовъ, возведенныхъ къ значенію нарицательныхъ: *baugabrotti*—ломающій запястья (сл. англосакс. *beaggeafa*: раздающій ихъ), *baugskundir*, *baugskati* — и *baughati*: ненавидящій запястья, то-есть, золото; во всѣхъ случаяхъ въ значеніи короля. Такимъ же образомъ создались эпитеты—образы: кубокъ вѣтровъ=небо, путь чашекъ=море, путь ланей=горы и т. д. Ихъ обиліе и чрезмѣрное сочетаніе затрудняетъ чтеніе скальдовъ, это сторона искусственности; въ основѣ эпитетъ—образъ принадлежитъ естественному развитію народно-эпического стиля; сравненіе съ параллелями греческими и описательнымъ приѣмомъ французскаго эпоса подтверждаетъ общія отношенія народно-поэтической эволюціи къ инициативѣ личнаго поэта или поэтической школы.

Одностороннее опредѣленіе эпитета не всегда выражалось въ формѣ прилагательнаго или соотвѣтствующаго существительнаго; вмѣсто того, чтобы сказать: это совершилъ такой-то сильный воетель можно было выразиться: сила, мощь воетеля; мощь = мышцы, тѣло; то и другое обобщалось въ опредѣленіи самого героя. Сл. употребленію греческ. эпоса: βίη, ἰς, μένος, οὐένος, старо-француз. *cors*, *cors*, *char*: βίη Ἡρακλῆος или Ἡρακλῆϊή (Il. 5,638; Hes. Theog. 333): сила Геракла или Гераклова = сильный Гераклъ; κρατερὴ ἰς Ὀδοῦτος (Il. 23, 720), ἰσρῆ ἰς Τηλεμάχοιο (Od. 16, 476 слѣд.); *mais ne cuidoie à vo gent cors parler* = съ вами; *Il meismes ses cors est maintenant montez; cors Dieu; cor saint Espir, le cors Rollant* (Ch. de Rol. v.

613); De Mahomet les vertuz e le cors (ib., v. 3233); La char du bon roys ont forment regretée, то-есть, короля. Сл. *sin Iip* (Сигфрида) *der ist so küene* (Нибелунги) и въ томъ-же значеніи малорусскія: „Головотка-же моя бідная“, „голова моя казацкая! Бувала ты у земляхъ у турецкихъ, у вірахъ бусурманскихъ“ и т. д. (Иларіонъ, Слово о ветхомъ и новомъ завѣтѣ: вѣстани, о честная главо). Сл. сербск. *моја драга, мое име драго*; ново-греческ. *εις τοῦ λόγου σου* = тотъ и т. д. Это не отвлеченіе, а *pars pro toto*; эпитетъ, заступившій мѣсто нарицательнаго, какъ въ старо-сѣверномъ кеннингѣ: раздѣлитель запятой. Сербск. выраженія: *сила* и *сватови*, *кита* и *сватови* вмѣсто сильни, *киѣни* *сватове*, *чуда* и *јунаке* вмѣсто чудни *јунаке* свидѣтельствуютъ уже о другомъ психическомъ актѣ; *сила*, *чудо* указываютъ на обобщеніе и на другую череду развитія.

Перенесите этотъ приемъ на другую почву, и вы придете къ римскимъ отвлеченіямъ: *Virtus*, *Victoria*, и цѣлой вереницѣ иносказательныхъ образовъ, унаслѣдованныхъ средневѣковымъ и болѣе позднимъ европейскимъ аллегоризмомъ. Еще нѣсколько шаговъ далѣе, и мы еще въ XVII вѣкѣ, но уже на стезяхъ новой поэтики, которая подскажетъ намъ нѣчто подобное гомеровскому βίη, но съ другимъ личнымъ оттѣнкомъ и другимъ пониманіемъ. „Сила Геркулеса“—это просто мышцы, крѣпость мышцъ; *Maupard* во 2-й одѣ къ Ришелье говорятъ не о *beauté des jaunes moissons*, а о *la jaune beauté des moissons*. Что его поразило прежде всего, это не реальной видъ золотой *жатвы*, а именно *красота*, она все застигаетъ, на нее-то и перенесенъ реальный эпитетъ: желтый, золотой. Это какъ-бы переживаніе древняго поэтическаго или риторическаго приема на почвѣ личнаго аффекта Сл. *киѣу*, *силу* сербск. пѣсни и такіе же образы у Золя и Додэ: *la gaieté blonde* (Zola, *Le rêve*); *l'éternité voyageuse de la mer* (Daudet, *Contes du lundi*: *La moisson au bord de la mer*), *le calme opulent qui vient de l'ordre de choses* (ib. 'La partie de billard) и др.

Сила Геркулеса—это пластическій эпитетъ въ формѣ существительнаго; *Virtus*—разсудочное отвлеченіе, одѣтое въ образъ; *красота* и *веселье* и *вѣчность*—обобщенія основнаго впечатлѣнія объекта, какъ-бы устраниющія его формы, чтобы подчеркнуть общій тонъ ощущенія.

Синкретическіе и метафорическіе эпитеты повѣйшей поэзии даютъ поводъ говорить о такомъ же переживаніи, которымъ можно измѣрить историческое развитіе мысли въ сходныхъ формахъ словеснаго творчества. Когда въ былое время создавались эпитеты: *ясень соколъ* и

яsenz мѣсяць, ихъ тождество исходило не изъ сознательнаго поэтического *исканія* соотвѣтствія между чувственными впечатлѣніями, между человѣкомъ и природой, а изъ фзіологической неразборчивости нашей, тѣмъ болѣе первобытной психики. Съ тѣхъ поръ мы научились наслаждаться раздѣльно и раздѣльно понимать окружающія насъ явленія, не смѣшиваемъ, такъ намъ кажется, явленій звука и свѣта, но идея цѣлаго, цѣль таинственныхъ соотвѣтствій, окружающихъ и опредѣляющихъ наше „я“, полонить и опутываетъ насъ болѣе прежняго, и мы вторимъ за Бодлеромъ: *Les parfums, les couleurs et les sons se répondent*. Языкъ поэзіи и наша групповая впечатлительность оправдываютъ въ извѣстной мѣрѣ это положеніе. Гюго видится *la dentelle du son que le fifre découpe*, у Зола читаемъ о *musique bondissante de cristal, o fontaines ruisselantes de muettes clartés* (Le Rêve); у Эйхендорфа о *пурпурной влажн вечеря* (gothe Kühle). Гейне говоритъ въ „Флорентійскихъ ночахъ“ о способности воспринимать музыкальныя впечатлѣнія образно, такъ сказать глазами: играетъ Паганини, и каждый ударъ его смычка вызываетъ въ воображеніи рядъ осязательныхъ, фантастическихъ картинъ и положеній, музыка рассказываетъ и изображаетъ въ звучащихъ гіероглифахъ, *in tönender Bilderschrift*: „то были звуки, которые то сливались въ поцѣлуѣ, то, капризно повздоривъ, разбѣгались, то снова обнимались, смѣясь, и опять слившись, умирали въ опьяненіи союза“. Нѣчто подобное испыталъ Гете, когда молодой Мендельсонъ сыгралъ ему увертюру Баха: ему казалось, онъ видитъ торжественную процессію сановниковъ, въ парадныхъ одеждахъ, спускающуюся по гигантской лѣстницѣ. Той-же способностью къ смежнымъ, безсознательно переплетающимся впечатлѣніямъ объясняются иные эпитеты у гр. А. Толстаго: *Звуки* скрипки такъ дивно звучали, разливаясь въ безмолвіи ночи, Въ нихъ *разказъ* опьянительно—*ажимей* развивалъ невозможную *повѣсть, И змѣинаго цвѣта отлиемъ*—соблазняли и мучили совѣсть (т. I, стр. 250—251). „Если я перенесусь въ настроеніе, какое даютъ стихотворенія Гете, я точно воспринимаю впечатлѣніе золотисто-желтаго цвѣта, отливающаго въ червонный“, говоритъ Отто Людвигъ, и Argeat подтверждаетъ подобную-же слитность впечатлѣнія у живописцевъ, музыкантовъ въ душѣ, для которыхъ Моцартъ—синій, Бетховенъ—красный; Nourrit выразился объ одномъ итальяскомъ пѣвцѣ, что у него въ распоряженіи всего два цвѣта: бѣлый и черный и т. п.

На ночвѣ такого рода психологическихъ скрещиваній выросли спл-

кретическіе эпитеты новѣйшей поэзіи; ея необычныя эпитеты—метафоры предполагають такую-же бессознательную игру логики, какъ знакомыя намъ обиходныя формулы: черная тоска, мертвая тишина, только болѣе сложную, потому что усложнились и историческій опытъ и спросъ анализа. Голубая даль переносится отъ понятія пространства во время и получается „сонъ о жизни въ голубой дали, vom *ferneblauen Leben* у Готфрида Келлера; такъ явились у Гейне цвѣты, шепчущіе другъ другу *душистыя сказки*: въ основѣ простѣйшій параллелизмъ (цвѣтокъ—человѣкъ) и анимизмъ—цвѣтокъ живетъ, какъ человѣкъ; у цвѣтовъ своя рѣчь—ароматъ; когда они стоятъ, склонивъ другъ къ другу головки, они точно шепчутся другъ другу сказки, и эти сказки—*душистыя*. У г. Фофанова звѣзды шепчутся цвѣтамъ „сказки чудныя“, которые разказываютъ ихъ вѣтрамъ; тѣ распѣли ихъ надъ землей, надъ волной, надъ утесами. „И земля подъ весенними ласками, наряжаяся тканью зеленою“, переполнила „звѣздными сказками“ безумно-влюбленную душу поэта, который въ дни многотрудныя, въ темныя ночи ненастныя, отдаетъ звѣздамъ (въ ненастныя ночи!?) ихъ задумчиво прекрасныя сказки.—Образъ тотъ-же, но доразвитый до потери реализма.

Вернемся еще разъ къ синкретическимъ эпитетамъ. Выдѣлять среди нихъ тѣ, которые восходятъ къ фізіологическому синкретизму чувственныхъ впечатлѣній, отъ другихъ, которые говорятъ скорѣе за *сознательное смѣшеніе* красокъ, дѣло нелегкое: надо имѣть въ своемъ распоряженіи массу самыхъ разнообразныхъ и разновременныхъ примѣровъ, чтобы разобраться въ ихъ хронологіи. Къ какой изъ двухъ категорій отнести напримѣръ—„обширную тишину“, *vastum silentium* Тацита (съ инымъ отгѣнкомъ въ *Ann.* 3, 4: *dies per silentium vastus*), темный (тѣнистый) холодъ, *frigus orasum* Виргилія (Сл. франц. *froid noir* и сербск. *дебел хлад*)? Вѣрно одно, что чѣмъ подробнѣе и раздѣльнѣе ставится наше знаніе природы и жизни, тѣмъ шире игра психическихъ соотвѣтствій и разнообразная суггестивность эпитета; что если въ творествѣ миеа человѣкъ проектировалъ себя въ природу, оживляя ее собою, то съ нарастающимъ обособленіемъ личности, она стала искать элементовъ самоанализа въ природѣ, очищенной отъ антропоморфизма, перенося ее внутрь себя, и это исканіе отразилось въ новой вереницѣ эпитетовъ. Въ томъ и другомъ отношеніи поэты—символисты идутъ въ колеѣ, давно проторенной поэзіей; все дѣло въ мѣрѣ и признаніи; если порой символисты не понимаютъ, въ этомъ отчасти ихъ вина. „*Мысли нуртурныя, мысли лазурныя*“ одного изъ современныхъ рус-

скихъ представителей символизма поражаютъ насъ, хотя въ основѣ лежитъ тотъ-же психическій актъ, который позволяетъ намъ говорить о *ясныхъ мысляхъ*, *düstere Gedanken* Гейне, хотя насъ не смущаютъ и его *blaue Gedanken* (*Neuer Frühling* 18). Разница въ специальномъ характерѣ перенесенія впечатлѣній пурпура и лазури, яркихъ и горячихъ, либо мягкихъ и спокойныхъ на настроенія мысли. Такого рода личные настроенія могутъ выразиться въ эпитетѣ, выводѣ изъ цѣлаго рода уравненій, взаимная зависимость которыхъ не всегда ясна, а ощущается, какъ нѣчто искомое, неуловимое, настраивающее на извѣстный ладъ: *la chanson grise* символистствъ, *où l'Indécis au Précis se joint*. Сдѣлать такого рода личные эпитеты общеупотребительными можетъ энергія сильнаго таланта (личная школа) и тактъ художника. Примѣромъ можетъ послужить характеристика Бориса и Пьера въ „Войнѣ и Мирѣ“: разговариваетъ Наташа съ матерью „И очень милъ, очень, очень милъ! говоритъ Наташа о Борисѣ; только не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ,—онъ узкій такой, какъ часы столовые... Вы не понимаете?... узкій, знаете, стрый, сѣтмий...—Что ты врешь? сказала графиня.—Наташа продолжала: Неужели вы не понимаете? Николенька бы понялъ... Безухій—тотъ синій, темно-синій съ краснымъ, и онъ четвероугольный“ (т. II, ч. 3, гл. 13). Голубыя мысли, мечты Гейне не поражаютъ, а нравятся потому, что обставлены цѣлымъ рядомъ образовъ, наводящихъ на нихъ соответствующую окраску: *blaue Augen, ein Meer von blauen Gedanken*. Такъ и у Гонкуровъ (*Journal*): *ainsi que les nuages, ainsi que ce lointain se renvolent lentement au ciel l'horizon de la jeunesse, les espoirs, tout le bleu de l'âme*. Вырванные изъ голубой атмосферы эти эпитеты рѣжутъ ухо.

Но помимо личной школы, есть еще школа исторіи: она отбираетъ для насъ материалы нашего поэтического языка, запасъ формулъ и красокъ; она наложила свою печать на эпитеты романтической поэзіи, съ ея предилекціей къ „голубому“, какъ заставила насъ вѣрить въ „*contes bleus*“ и „*blauen Wunder*“. А какое богатство новыхъ представленій и соответствующихъ имъ образовъ принесло намъ христіанское міросозерцаніе, этого вопроса касались съ разныхъ точекъ зрѣнія, но со стороны стилиа онъ остается открытымъ.

Въ нашемъ культурно-историческомъ и этнографическомъ языкѣ пошло въ ходъ слово переживание (*survivals*) и даже „перезитокъ“; изъ сущности переживанія нѣтъ, потому что все отвѣчаетъ какойнибудь потребности жизни, какомунибудь переходному отгѣнку

мысли, ничто не живет насильно. Современное суевѣріе относится къ языческому мѣу или обряду, какъ поэтическія формулы прошлаго и настоящаго: это кадры, въ которыхъ привыкла работать мысль и безъ которыхъ она обойтись не можетъ.

Эти кадры ветшаютъ; ихъ живучесть зависитъ отъ нашей способности подсказать имъ новое содержаніе и отъ ихъ — вмѣстимости. Когда-то греческіе храмы и средне-вѣковыя соборы блестѣли яркими красками и цвѣтовой эффектъ входилъ въ составъ впечатлѣнія, которое они производили; для насъ они полиняли, за то мы вжились въ красоту ихъ линий, они стали для насъ суггестивны иной сторопою, и намъ приходится насильно вживаться въ впечатлѣніе росписной греческой статуи. Удастся-ли такое вживаніе — вотъ вопросъ, надъ которымъ стоитъ задуматься не однимъ лишь историкамъ литературы. Мы твердимъ о банальности, о формализмѣ средне-вѣковой поэзіи любви, но это *наша* оцѣнка: что до насъ дошло формулой, ничего не говорящей воображенію, было когда-то свѣжо и вызывало ряды страстныхъ ассоціій.

Эпитеты холодѣютъ, какъ давно похолодѣли гинерболы. Есть поэты цѣломудренной формы и пластической фантазіи, которые и не ищутъ обновленія въ этой области; другіе находятъ новыя краски и—тоны. Здѣсь предѣлъ возможнаго указанъ исторіей: искать обновленія впечатлительности въ эмоціональной части человѣческаго слова, выдѣлившася въ особую область музыки, не значить-ли идти противъ теченія?

Александръ Веселовскій.